

расстрелян в 1932 г. Епископ Герман (Коккель) изгнан с Алтая в 1932 г. [5].

Архиепископ Иаков (Маскаев) расстрелян в 1937 году. Шквал репрессий продолжался и в последующие периоды советской истории. Особенно в 1936-1937 гг. Не будем подробно останавливаться на цифрах. Отметим только, что 1,2% от всех репрессированных составляли священники. Однако их доля в общем составе населения была максимум 0,05% (один священник на две тысячи человек), а значит вероятность ареста священнослужителя была в двадцать с лишним раз выше, чем у обычного человека [2].

Необходимо вспомнить стойкость, сохранение высоких нравственных качеств, которые верующие показывали в лагерях, то, насколько они продолжали оставаться людьми, несмотря на невыносимые условия жизни [6]. Однако самое главное – как раз то, что сегодня зависит и от нас с вами – это сделать все возможное для того, чтобы предотвратить, не повторить даже в усеченном виде трагический опыт братоубийства. В свое время выдающийся историк конца XIX – начала XX в. Василий Осипович Ключевский очень верно сказал: «История никого и ничему не учит, она лишь наказывает за невыученные уроки».

Литература

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991.
2. Владислав Цыпин. Русская Православная Церковь в годы гражданской войны. URL: <http://pobeda.ru/russkaya-pravoslavnaia-tserkov-v-godyi-grazhdanskoy-voyni.html>.
3. Коголь Т.Н. Русская Православная Церковь и государство. 1917-1927 гг. (на материалах Западной Сибири): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995.
4. Новикова Т.М. Деятельность Русской православной церкви в период гражданской войны (на материалах Восточной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 195.
5. Щеглова Татьяна Кирилловна. Репрессии в Алтайском крае. URL: <https://history.wikireading.ru/392324>.
6. Эшматова Г.Б. Репрессии против служителей культа на Алтае в первые годы советской власти. URL: <http://journal.asu.ru/index.php/wv/article/view/4049>.

*С.С. Матренин, канд. ист. наук
Барнаульский юридический институт МВД России;
Алтайский государственный университет*

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ II В. ДО Н.Э. – V В. Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЖСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)¹

Реконструкция социальной структуры древних и средневековых народов является перспективным направлением современной отечественной и мировой археологии. Одной из актуальных проблем в реализации подобного рода изысканий выступает разработка эффективной методики объективного определения социального статуса людей на основе различных признаков.

Настоящая работа содержит краткую характеристику опыта изучения социального статуса населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. на основе материалов мужских погребений булан-кобинской археоло-

гической культуры. Источниковую базу исследования составили материалы раскопок 332 мужских захоронений из 33 могильников, представляющих все этапы развития обозначенной общности: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.), бело-бомский (II – 1-я половина IV в. н.э.), верх-уймонский (2-я половина IV – V в. н.э.) [4, с. 174-181].

Изучение погребального обряда продемонстрировало, что главным показателем половозрастной, социальной и профессиональной стратификации населения булан-кобинской культуры был сопроводительный инвентарь [1; 2; 3, с. 154-182; 5, с. 187-192]. При анализе инвентаря мы руководствовались общепринятым принципом, согласно которому все зафиксированные в захоронении предметы существуют в системной взаимосвязи единиц, выражающей определенное смысловое единство.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

Для установления социальной дифференциации умерших людей на основе качественного (видового и категориального) и количественного состава находящегося с ними инвентаря нами был использован метод расчета индекса статуса индивида, реализованный в работах зарубежных специалистов и неизвестный широкому кругу отечественных ученых [6, р. 307-312].

Вычисление индекса (Status Index) осуществлялось по формуле $SI(h) = \sum(k) [Nk \times Cs(k)]$, где: $SI(h)$ – индекс статуса человека из конкретного погребения, Cs – коэффициент статуса отдельной выбранной категории предметов сопроводительного инвентаря (сначала рассчитывается для каждой категории, затем значения всех категорий в каждом погребении суммируются), K – категория или вид предмета (например, лук, наконечники стрел, пояс и др.), $N(k)$ – число погребений в выборке (на отдельном могильнике, в группе памятников или во всей совокупности погребальных объектов), которые содержат конкретную категорию инвентаря, $N(hk)$ – общее число всех предметов в конкретном погребении, которое содержит выбранную категорию предметов « k ». Учитывая редкость выбранной категории предмета инвентаря и общее количество предметов в могиле, которые ее «сопровождают», рассчитывается значение этой категории для выделения «элитности» погребения. Опираясь на представленный алгоритм, можно рассчитать коэффициент статуса выбранной категории (« K ») для могильника или всей выборки погребений из разных погребальных комплексов путем суммирования этих коэффициентов для каждого погребения по формуле: $Cs(k) = \sum(h) [N(hk)/N(k)]$.

Для анализа были отобраны 13 индикаторов сопроводительного инвентаря: 1) лук; 2) железный наконечник стрелы; 3) боевой нож, кинжал, чекан; 4) колчаный крюк, ножны с железными креплениями; 5) меч, копьё; 6) доспех; 7) простой пояс, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур (менее 10 экз.); 8) наборный пояс с большим количеством гарнитур (более 10 экз.); 9) металлические украшения (серьги, гривны, кольца); 10) удила, псалии, 11) уздечная и седельная гарнитура; 12) орудия труда (ножи, шилья, костяные наконечники стрел, оселки и др.); 13) металлическая посуда и инструменты (тесла, стамески, резцы). При расчете индекса статуса использовался редактор Excel.

В результате проделанной работы была определена социальная значимость обозначенных предметов из погребений, на основе которых был рассчитан индекс статуса 319 индивидов. Для обработки привлекались только непогребенные захоронения. Упорядочив индивидуальные индексы по убыванию, нами были выделены четыре социальных группы мужских погребений.

Группа I (индекс статуса выше 128 единиц) – захоронения 40 (12,5%) индивидов с привилегированным социальным статусом. Сопроводительный инвентарь данной группы отличает наличие оружия дистанционного боя (лук, стрелы с железными наконечниками), короткоклинкового оружия (боевые ножи) часто в ножнах с железными креплениями, наборные пояса с большим количеством гарнитур, колчаные крюки, присутствие престижного оружия (мечи, копья), доспехов либо тесел. Во многих погребениях найдено снаряжение верхового коня (в т.ч. редкая гарнитура), а также статусные украшения (серьга, гривна).

Группа II (индекс статуса от 20 до 128 единиц) – захоронения 72 (22,5%) индивидов с социальным статусом выше среднего. Это погребения с оружием дистанционного (луки и железные наконечники стрел) и ближнего боя (ножи), наборными поясами, как правило, с небольшим количеством гарнитур, реже с простыми поясами, колчанными крюками, часто с предметами конского снаряжения (удила, псалии, реже иные изделия), орудиями труда.

Группа III (индекс статуса от 0,5 до 20 единиц) – захоронения 147 (46%) индивидов со средним социальным статусом. Включает две подгруппы с учетом медианы индексов статуса по 319 индивидам (показатель индекса, находящегося ровно посередине всей выборки, составляет 8 единиц).

Подгруппа IIIa (индекс статуса 8-19 единиц) – 45 человек (14,1%). Сопроводительный инвентарь представлен луком и (или) стрелами с железными наконечниками стрел, наборным поясом с небольшим количеством гарнитур или простым поясом, орудиями труда.

Подгруппа IIIб (индекс статуса 0,5-7 единиц) – 102 человека (32%). Отличается от предыдущей подгруппы меньшим количеством предметов, не образующих устойчивых комплектов.

Группа IV (индекс статуса от 0 до 0,5 единиц) – захоронения 57 (17,8%) индивидов с социальным статусом ниже среднего. Большинство погребений без сопроводительного инвентаря. В некоторых могилах присутствует один-три социально невыразительных предмета (простой пояс, нож, неметаллическая посуда). Показательным является отсутствие оружия.

Опираясь на полученные выкладки, нами был определен групповой индекс статуса населения, оставившего разные могильники булан-кобинской культуры. В данном случае суммировались индивидуальные индексы статуса и процентный состав выделенных четырех социальных групп погребений по отдельным памятникам. Во внимание принимались полностью раскопанные памятники или некрополи, на которых было вскрыто не менее десяти погребений. В итоге были выделены могильники с «высоким» (Яломан-II, Кок-Паш), «средним» (Айрыдаш-I,

Усть-Эдиган, Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Степушка, Верх-Уймон) и «низким» (Карбан-I, Боштуу-I, Чендек, Улита, Улуг-Чолтух-I, Тыткескень-VI) групповым статусом, оставившего их населения.

Полученные данные об индивидуальном социальном статусе мужской части населения Алтая

II в. до н.э. – V в. н.э. будут соотнесены с антропологическими показателями, отражающими морфологические различия людей, характер участия в межгрупповых столкновениях (боевой и бытовой травматизм, травматический рецидивизм и др.), а также общее состояние здоровья популяции.

Литература

1. Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.

2. Матренин С.С. Палеодемографический анализ и реконструкция половозрастной структуры населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2.

3. Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005.

4. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007.

5. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

6. Vitale Stefano Sparacello, Vincenzo d'Ercole, Alfredo Coppa A Bioarchaeological Approach to the Reconstruction of Changes in Military Organization Among Iron Age Samnites (Vestini) From Abruzzo, Central Italy // American Journal of Physical Anthropology. 2015. № 156.

*М.А. Широкова, доктор философ. наук
Алтайский государственный университет*

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ В КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Вопрос о взаимодействии и взаимопроникновении права и морали (нравственности) – один из самых обсуждаемых в общественных науках. Знаменитая полемика представителей западничества и славянофильства, начавшаяся во второй четверти XIX столетия и во многом являющаяся элементом российского политико-правового дискурса вплоть до настоящего времени, высветила еще одну грань данного вопроса. Как славянофилы, так и западники задумывались о сущности права, о его источниках, а также о модели правового государства, соответствующей условиям России. И если западники в своих рассуждениях о праве чаще всего связывали его с разумной природой человека, то славянофилы видели источник права в исторически сложившихся понятиях народа о нравственности, а также в обычаях, первоначально воплощавших эти понятия.

По мнению основоположников славянофильства, исконно русскому понятию о праве, а точнее о правде, в наибольшей степени соответствовал прин-

цип соборности как основы общественной жизни. Европейская же правовая система, которую славянофилы характеризовали как совокупность чисто внешних, формальных установлений, «за наружной буквою формы скрывающих внутреннюю справедливость», не могла быть применена к российской действительности.

Система европейских законов рассматривалась славянофилами как порождение западного рационализма. Она основывается на логических умозаключениях, стремящихся лишь к формальной ясности и непротиворечивости. Таким образом, в европейском законодательстве форма преобладает над содержанием, а точнее «форма и есть самый закон».

«Двигателем законов» на Западе является «мнение» законодателей, которое, как утверждали основоположники славянофильства, часто бывает оторвано от насущных потребностей народа. Впрочем, славянофилы не признавали существования подлинной воли народа практически ни в одном из европейских государств, т.к. народ в них разбит на со-